

УДК 81'37
ББК 81.2-3

Н.А. Ковалева

**КОММУНИКАТИВНАЯ
НАПРАВЛЕННОСТЬ ПИСЕМ
А.П. ЧЕХОВА**

Рассматривается коммуникативная ориентация чеховских писем. В зависимости от адресата письма формируется стилевое и стилистическое в тексте, определяется экспрессивно-эмоциональный настрой, оценочная характеристика, способ изложения информации, ее акцент, употребление тех или иных языковых конструкций, типов обращений, заключительных строк письма и прочее.

Ключевые слова: коммуникативная направленность, языковая картина мира, индивидуально-авторское фразеотворчество.

Ковалева Наталья Анатольевна – докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова

Тел.: 8(495) 373-66-01

Эпистолярное наследие А.П. Чехова можно рассматривать как часть его литературно-художественного наследия, поскольку письма А.П. Чехова несут в себе свойственные ему особенности построения художественного текста: образность, эмоциональную атмосферу, юмористическую окрашенность. Письма великого писателя – это своеобразные произведения искусства, где образная передача событий максимально приближает их к художественному творчеству.

Говоря словами А.С. Пушкина, А.П. Чехов поднял язык частного письма, «почтовой прозы», на уровень языка художественной литературы.

Письма А.П. Чехова заключают в себе этическое и эстетическое кредо писателя. Желание видеть правила и «правильность» своей обязанности перед обществом отразилось в авторском этическом кредо, которое выражено как изложение своего взгляда на мир, завуалированной формой эго-императива литературного творчества: *«Моя святая святых – это человеческое тело, здоровье, талант, ум, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две не выражались»* (А.Н. Плещееву, 4 октября 1888); *«Я согласен, "зерно" – хорошая штука, но ведь литератор не кондитер, не косметик, не увеселитель, он человек обязанный, за-контрактрованный сознанием своего долга и совестью, взявшись за*

гуж он не должен говорить, что не дюж и, как ему ни жутко, он обязан бороть свою брезгливость, марать свое воображение грязью жизни...» (М.В. Киселевой, 14 января 1887).

В письмах А.П. Чехова интересно изложение авторского стилистического кредо, которое он излагает в своих советах к начинающим писателям. Эти литературные советы А.П. Чехова молодым авторам, раскрывающие его художественную стратегию, помогают понять особенности изложения авторской позиции, оценки, суждений. А.П. Чехов пишет о том, что авторская позиция может быть выражена не только прямо, но и скрыто, может быть спрятана за внешне бесстрастной, объективной подачей фактов.

29 апреля 1892 г. он пишет Л.А. Авиловой: *«Как-то писал я Вам, что надо быть равнодушным, когда пишешь жалостные рассказы. И Вы меня не поняли. Над рассказами можно и плакать, и стенать, можно страдать заодно со своими героями, но, полагаю, нужно это делать так, чтобы читатель не заметил. Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление»*. Позднее он добавит: *«Вы делаете большие успехи, но позвольте мне повторить совет – писать холоднее. Чем чувствительнее положение, тем холоднее следует писать и тем чувствительнее выйдет. Не следует обсахаривать»* (Л.А. Авиловой, 1 марта 1893).

Чеховские советы разнохарактерны и разностильны по своим интенциям. В одних случаях это литературные советы, в других – этика поведения, в третьих – бытовое решение проблемы. Личность адресата играет важнейшую роль в форме выражения – к знакомым и близким – разговорное и даже грубо-, или бранно-просторечное, к литературным «соратникам» – образная, живая форма, но стиль не опускается ниже разговорного. В эпистолярных советах – это скорее мнение «образа автора», чем выполнимость его адресатом, и потому шутливость типа «посоветую запереть рассказ в сундук» составляют незначительную долю в стиле писателя. Ср.: *«Не могу сказать Вам ничего определенно-го, посоветую лишь запереть рассказ в сундук и продержат его там целый год, а потом прочесть. Тогда Вам видней будет, я же боюсь решать, боюсь, чтобы не ошибиться»* (Е.М. Шавровой-Юст, 28 февраля 1895); *«Писака ты хороший, можешь заработать вдвое, а ешь дикий мед и акриды... в силу каких-то недоразумений, сидящих у тебя в черепе»* (Ал. П. Чехову, 4 января 1886); *«Держись в стороне от этих сукиных сынов и не восхваляй их»* (Ал. П. Чехову, 4 сентября 1893); *«Махните на все рукой, пошлите все к чертовой матери и решайтесь»* (И.Л. Леонтьеву (Щеглову), 15 апреля 1888).

Для А.П. Чехова, одного из лучших представителей великой русской интеллигенции, иллокуция нормы связана с понятиями должного и аксиологического (системы авторских ценностей). Именно должностно-ценностный фактор и определяет суть авторской позиции и, следова-

тельно, авторской стратегии в его эпистолярных. «*Высокое достоинство долга не имеет никакого отношения к наслаждению жизни; у него есть свой особый закон и свой особый суд*» [Кант, с. 416]. Модальность долженствования порождается интеллектом и отражает добрую волю, что соответствует нравственному закону «в себе» (И. Кант). Эта мысль И. Канта о нравственности долга находит прямое отражение в оценке как своих действий, так и тех, о ком идет речь в письмах А.П. Чехова: «*Какие бы обязанности Вы не возложили на меня, буду ли я временным председателем или просто членом Общества, я одинаково буду стараться оправдать Ваше доверие, быть возможно полезным обществу*» (А.Н. Веселовскому, 2 февраля 1904); «*Буду продолжать, а Вы не забывайте 2-х условий, кои я прилагаю при сем моем согласии: а) продолжайте снисходить слабостям руверским и б) без всяких церемониев уведоьте, ежели на Вашем жизненном пути встретится более подходящий фельетонист*» (Н.А. Лейкину, 25 декабря 1883); «*Я прозевал Ваш юбилей, но Вы великодушны, простите мне это и позвольте мне выпить за Ваше здоровье так сказать, задним числом*» (И.И. Ясинскому, 26 декабря 1895); «*Шлю Вам все, что успел выжать из своих мозговых полушарий, и даю отчет: Левитану заказ передан с объяснением*» (Н.А. Лейкину, 5 января 1886); «*Он дал слово и не сдержал своего слова, а эти иллюстрации дали бы ему имя, хлеб*» (Ал. П. Чехову, 20 февраля 1883).

Личностный взгляд на мир воплощен в чеховских текстах наиболее иллокутивно, объемно и дробно. Субъективно-оценочный тон составляет «внутренний» текст мнения; он выражается семантическими, стилизованными и стилистическими средствами, накладываемыми на общий смысл высказывания. Субъективно-модальные значения реализуются лексико-фразеологическими средствами, своеобразием распределения предикатных и релятивных отрезков высказывания, в предложениях, умозаключениях, в актуализации отдельных частей текста.

В разных текстах модальность проявляется с разной степенью очевидности; вне сомнения, фактор адресата играет главенствующую роль в способах выражения этой очевидности. Другим фактором оценки служит принадлежность к типу ситуации – ее большая или меньшая приемлемость для А.П. Чехова.

Сущность мнения, степень приемлемости, фактор адресата определяют содержание и стиль мнения: «*Откладывать просвещение темной массы в далекий ящик, это такая низость!*» (А.С. Суворину, 13 апреля 1895); «*Мнительность – это эгоизм 84 пробы*» (А.С. Суворину, 17 марта 1890); «*Иной раз посмотришь в рецепт и только руками разведешь*» (Н.А. Лейкину, 8 июня 1892); «*Между друзьями и близкими, я полагаю, можно обходиться и без китайских церемоний, особливо в грошевых счетах*» (Г.М. Чехову, 9 февраля 1888); «*Начало и конец чи-*

таются с интересом, но середина – **жеванная мочалка. Не хватило пороху!**» (Е.М. Линтваревой, 9 октября 1888); «Я человек честлюбивый **по самые уши**, а потому можете понять, какую ценность имеет для меня рецензия, написанная таким страшным литературным гением, как Вы» (А.С. Суворину, 4 февраля 1889); «**Ругается, как извозчик**, и на жизнь богачей-аристократов смотрит **оком прачки**» (А.С. Суворину, 1 ноября 1889).

Мнения об адресате, объекте речи, манере поведения и др. обладают различной «жесткостью» выражения. Ср.: *смотрит оком прачки, жеванная мочалка и руками разведешь*. По отношению к себе писатель принимает обычную для него иронически-шутливую позу: честлюбивый *по уши*. Принципиальные проблемы бытия получают четкую оценку: *откладывает в далекий ящик* просвещение – низость!

Коммуникативная ориентация писем А.П. Чехова определяется тем, какой тип изложения избран автором: спокойно-констатирующий, патетический, лирический, шутливый, иронический или нравоучительный – в отношении к родным, братьям и др. Целевая установка определяет использование разного рода перифраз, общеязыковых трансформаций и большого количества фразеологических единиц (далее ФЕ) обиходно-разговорного характера, обладающих широкой гаммой стилистических оценок. Например, цикл писем к Н.А. Лейкину, периода активного сотрудничества Чехова в «Осколках», по своей речевой направленности и языковым средствам отличается от остальных циклов. Эти письма полны шутливо-юмористических перифраз, выражений, фразеологизмов нетрансформированных и трансформированных: «**Думаю, как бы и где задать храповицкого**» (Письмо от 24 августа 1883); «**Первый дачный блин** вышел, кажется, **комом**» (Письмо от 25 июня 1884); «**Рад служить во все лопатки**, но ничего со своей толкостикой не подделаю» (Письмо от 22 марта 1885).

Письма сахалинского периода и путешествий по Сибири отражают глубокие и тягостные раздумья А.П. Чехова о жизни ссыльных, что находит отражение в их языке и стиле: «**Интеллигенты толются на пристани с выражением «второй скрипки» во всей фигуре; видимо, ни один из них не получает больше 35 руб. и, вероятно, все лечатся от чего-нибудь**» (М.П. Чеховой, 29 апреля 1890); «Я заметил, как этот пьяница презирал мужиков, **на шее которых жил**» (М.П. Чеховой, 17 мая 1890); «Всю дорогу я голодал, **как собака**» (А.С. Суворину, 20 мая 1890).

Письма к Лике Мизиновой проникнуты искрометной шуткой, оригинальной манерой использования ФЕ, переработкой общепринятых устойчивых сочетаний: «**Ваш от головы до пяток, всей душой и всем сердцем, до гробовой доски, до самозавенения, до одурения, до бешенства**» (Письмо от 28 июня 1892); «**Без Вашего позволения я не**

женюсь и, прежде чем жениться, я еще **покажу** Вам **Кузькину мать**, извините за выражение» (Письмо от 21 сентября 1898); «Ну, до свидания, **кукуруза души моей**» (Письмо от 28 июня 1892). И, наконец, тон писем к жене Ольге Леонардовне Книппер глубоко лиричен, интимен: «Милая актрисуля, роль Анны и сама пьеса не стоят того, чтобы из-за них **портили столько крови и нервов**» (Письмо от 1 ноября 1899); «Милюся моя, **ангел мой**, я не пишу тебе, но ты не сердись, **снисходи к слабостям человеческим**» (Письмо от 5 сентября 1900).

Для эпистолярной деятельности характерны специфические коммуникативно-речевые формулы, определяемые социокультурным статусом адресанта. В их составе имеется большое количество языковых формул – ФЕ и клише, стилистически окрашенных средств речи, готовых и удобных в употреблении единиц, обладающих экспрессивной и образной нагрузкой. Коммуникативные требования письма определяют употребление той или иной языковой единицы, но А.П. Чехов создает и свои собственные этикетные формулы с определенным стилистическим настроением.

«За Вашу любезную телеграмму по поводу постановки "Вишневого сада" **приношу** Вам мою **сердечную благодарность**» (А.Ф. Марксу, 3 февраля 1904); «**Крепко жму руку и шлю сердечное спасибо** за письмо» (Л.А. Авилевой, 14 февраля 1904); «По поручению мамы и по собственному побуждению спешу поздравить Вас с праздником и **пожелать всего хорошего**» (О.Р. Васильевой, 22 марта 1904); «За Ваше приветствие **приношу** Вам самую **глубокую благодарность**, прямо **от сердца**» (Ф.Д. Батюшкову, 19 января 1904); «На вокзал не поеду тебя встречать, а буду поджидать дома, **с распростертыми объятьями**» (О.Л. Книппер-Чеховой, 22 марта 1903); «Если **внемлете** моей просьбе, то я буду Вам **благодарен во веки веков** и напишу Вам столько рассказов, сколько Вы пожелаете...» (Ф.А. Куманину, 8 января 1890).

Ср.: «**Желаю от души**, чтобы Ваша новая **изба была красна и углами, и пирогами**» (Н.А. Лейкину, 7 октября 1887); «**Будьте здоровы, счастливы, и да приснится Вам, мирно почивающему на лаврах, черт с рогами!**» (В.А. Тихонову, 7 ноября 1889). Последние две иллюстрации включают шуточные «этикетные» формы общения с близкими ему собеседниками. Стилистическая значимость этих формул свидетельствует о функциональном смещении узואльно-стилевого в речевом, эпистолярном употреблении.

Концовка письма представляет собой также этикетную формулу-клише, завершающую письменное общение с «отдаленным в пространстве» собеседником: «с уважением Чехов», «уважающий Вас Чехов» и т.д.

Концовка письма А.П. Чехова отличается оригинальностью, индивидуальностью, юмористичностью в зависимости от личности и отно-

шений с ней «отдаленного» собеседника речи. Необычность заключительного аккорда письма – это нередко выход за нормы литературного языка, ориентация на авторское «я», т.е. образ автора в его отношении к адресату:

А.Н. Плещееву – *«Душевно преданный дебютант Антуан Чехов»* (3 февраля 1888);

В.А. Тихонову – *«Именинник Вашего сердца А. Чехов»* (10 января 1892);

Ю.И. Лядовой – *«А. Чехов. Больных делов мастер»* (21 сентября 1880);

Г.М. Чехову – *«Любящий, но упрекающий в нерадении А. Чехов»* (25 апреля 1886);

Чеховым – *«Испрашивая Вашего благославения, остаюсь любящие брат и сестра Антоний и медицина Чеховы»* (17 января 1887); *«С почтением за Гуго-Ворлих Иоганн Гофф»* (22-23 февраля 1887); *«Сожалеющий о тебе брат твой, собственник и полезный член общества А. Чехов»* (15 апреля 1894);

Л.С. Мизиновой – *«Прощайте, злодейка души моей. Ваш Известный писатель»* (11 января 1891); *«Остаюсь преданный Вам А. Кислота»* (21 января 1891); *«Предводитель дворняжек Головин-Ртищев»* (июнь-июль 1891); *«Будьте благополучны и не забывайте побежденного Вами Царя Мидийского»* (28 июня 1892).

Языковая личность, степень выраженности авторского «я» определяют коммуникативную стратегию письма, определяют форму речи, отбор лексико-фразеологических средств и общую стилистическую тональность сообщения.

Коммуникативная функция языка, определяющаяся установкой отправителя информации, позволяет ему выразить свое отношение к речи, передать авторскую позицию. Любая единица может приобретать те признаки, которые определяются желанием автора эстетически воздействовать на адресата. Отражение в тексте авторского видения мира, авторской оценки через своеобразие языковых средств, вносящих вклад в реализацию поставленной задачи, – вот что определяет коммуникативную стратегию текста. Авторская передача картины мира – глубоко творческий процесс, где постоянно обновляются предметы изображения. В этом творческом акте проявляется состояние и работа «духа» писателя, его авторское «эго». В языковой картине мира Антона Павловича Чехова имеется установка на фразеотворчество в рамках существующих языковых закономерностей с целью:

1) отражения в языке своих писем фрагментов концептуальной картины мира;

2) создания ёмких, колоритных художественных образов, которые передают адресату ассоциации автора и помогают воссоздать во всей полноте воображаемую картину;

3) оригинальной формой интерпретации заставить читателя взглянуть на вещи по-новому, по мысли «образа автора».

Каждое использование фразеологических единиц в чеховских письмах, даже в непреобразованном виде, является предметом целенаправленного отбора автора, а также содержит элемент коннотации, идущий от авторского замысла, задания. Индивидуальное фразеологическое преобразование несет на себе печать своеобразного поэтического видения художника слова. Основная причина индивидуально-авторского фразеотворчества заключается, вероятнее всего, не просто в усилении выразительности, а в стремлении связать семантику, эмоциональное и стилистическое значение с неповторимыми условиями текста и выразить авторскую позицию (этическую, эстетическую и др.) своими средствами. Например: «*Природа на Сингапуре выше всякой критики...*» (Н.А. Лейкину, 11 августа 1890); «*...автор должен быть гуманен до кончика ногтей*» (Е.М. Шавровой-Юст, 28 ноября 1895); «*Теперь у меня работы меньше,.. придется закрыть свою медицинскую лавочку*» (Л.Я. Гуревич, 10 сентября 1892); «*Природа чудеснейшая, запихвающая за пояс все, что я видел доселе*» (Ал. П. Чехову, 27 мая 1338); «*Если пьеса провалится, то поеду в Монте-Карло и проиграюсь до положения риз*» (О.Л. Книппер-Чеховой, 20 января 1901).

Сравните языковые модели авторских трансформ: *ниже всякой критики* (языковой антоним), *до конца ногтей + до кончиков пальцев = до кончика ногтей* (контаминация); *закрыть лавочку* (вклинивание в авторскую ФЕ атрибутов); *затыкать за пояс* (в речи писателя глагольный компонент представлен лексическим синонимом); *напиться до положения риз* (изменение окружения единицы в тексте).

Один из важнейших принципов коммуникативной стратегии текста заключается в том, чтобы языковая форма наилучшим способом отражала интенции автора текста. В языке художественной литературы (в эпистолярном тексте как ее особой разновидности) любая языковая единица и в особенности фразеологизм определяются автодирижированием процессом воздействия на читателя.

Каждый речевой жанр в каждой области речевого общения имеет свою концепцию адресата, т.е. стратегию, «рассчитанную» на адресата. В таком интимном жанре, как эпистолярный, возникает максимальная внутренняя близость адресанта и адресата. Без учета понимания адресата нельзя понять ни содержания, ни стиля речи.

Обращаясь к проблеме адресата, М.М. Бахтин существенно углубляет понимание адресатом высказывания, т.е. того, что хочет сказать автор. «Всякое высказывание всегда имеет своего адресата (разного характера, разных степеней близости, конкретности, осознанности и т.п.), ответное понимание которого автор речевого произведения ищет и предвосхищает... Но кроме этого адресата (второго) автор высказы-

вания с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего наадресата (третьего), абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени» [Бахтин, с. 305].

Понятие наадресата существенно для стратегии текста: адресатом может быть лицо, которому направлено письмо, или круг близких лиц, но наадресатом могут быть в широком понимании этого слова – читатели-современники, читатели-потомки, читатель-метанаблюдатель, интерпретирующий в метаописании высшую инстанцию ответного понимания.

Следовательно, фрагмент коммуникативной стратегии: адресант – текст – адресат в своем заключительном звене может предполагать полифонию истолкований текста. Относительная свобода в преобразовании фразеологических средств, ориентирующихся на точку зрения пишущего, уравнивается внутренней организацией высказывания.

В письмах к литераторам раскрывается отношение А.П. Чехова к своему творчеству, творчеству других авторов, содержатся оценки собственного труда и излагается такая информация, которая особенно ценна наадресату (третьему) – нам, нашим современникам, понимающим и распознающим многое из того, что не было актуально для его времени.

*«Вы поймете всю цену и прелесть этого ответа, если вообразите себе г. Чехова, пишущего, потеющего, исправляющего и видящего, что от тех революционных переворотов и ужасов, какие терпит под его пером повесть, она не становится лучше **ни на единый аз**»* (А.Н. Плещееву, 14 сентября 1889); *«Надо многое сократить и кое-что исправить, исправил бы я теперь, но голова настроена **на сахалинский лад**, и во всем, что касается **изящной словесности**, я теперь не в состоянии отличить **кулька от рогожи**»* (А.С. Суворину, 15 марта 1890); *«Страсти мало; прибавьте к этому и такого рода психопатию: **ни с того ни с сего**, вот уже два года, я разлюбил видеть свои произведения в печати, оравнодушел к рецензиям, к разговорам о литературе, к сплетням, успехам, неудачам, к большому гонорару – **одним словом, стал дурак дураком**»* (А.С. Суворину, 4 мая 1889); *«Пишу я ее (повесть. – Н.К.) не спеша, как астрономы едят дупелей: **с чувством, с толком, с расстановкой**»* (А.П. Плещееву, 23 января 1888); *«Мой "Медведь" следовало бы называть "**Дойной коровой**". Он дал мне больше, чем любая повесть»* (Е.К. Сахаровой, 13 января 1888); *«У других авторов такие слова, как, например, "фаталистически", проходят незаметно, но Ваши вещи музыкальны, стройны, в них каждая шероховатая черточка кричит **благим матом**»* (А.М. Пешкову (М. Горькому), 8 января 1899).

Письма к братьям полны знаменитого чеховского юмора, выполняющего экспрессивный аспект коммуникации, который связан с эмоционально-психической деятельностью. Последняя раскрывает на адресату эмоции, субъективную модальность и прагматику чеховского текста: «*Стану по ниточкам разбирать твое письмо, от "а" до ижицы включительно*» (Ал. П. Чехову, 20 февраля 1883); «*Как некий Цынцынатус, я провожу все время в труде и кушаю хлеб свой в поте лица*» (Ал. П. Чехову, 21 марта 1892); «*Так как и ты принимал участие в увенчании меня лаврами, то часть моего сердца посылается и тебе. Возьми сию часть и скушай*» (Ал. П. Чехову, 13 октября 1888); «*Если ты не исполнишь моих приказаний, то да обратится твой медовый месяц в нашатырно-квасцово-купоросный*» (Ал. П. Чехову, 13 августа 1889); «*Сижу в осеннем пальто, стараюсь родить субботник, но вместо мыслей из головы выдавливаются какие-то выморозки*» (Ал. П. Чехову, 20 мая 1887).

Живая речь всегда экспрессивна, ибо она представляет «положение дел в мире» в таком модусно-диктальном аспекте (аспекте коммуникативной стратегии), когда, наряду с отображением реальной картины мира, всегда находится место для переживаний человека. Экспрессивная окраска речи весьма многообразна и многопланова и может рождать полифункциональность оценок. И это тоже на адресное явление. Ср. последнюю иллюстрацию, которая обладает широким диапазоном интерпретации ее адресатом: 1) жалостливое отношение к автору письма; 2) самооценка эмоционального состояния автора письма; 3) стилистические коннотации – горько-уничтожительно-неодобрительные; 4) когнитивное состояние психики адресата и др.

Духовный облик писателя, мир его интеллектуальных и эмоциональных ценностей, отражающих черты характера и, как следствие, стереотип языкового поведения, составляют основу художественного творчества, к которому относятся и эпистолярный, интимно-«открытый» жанр, раскрывающий душу художника слова. В каноническую жанровую структуру – форму традиционного письма великий стилист А.П. Чехов вносит поэтику новизны, неожиданности и девиации.

Литература

- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
 Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. I.
 Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1983. Тексты писем приводятся по этому изданию.